Изъ книгъ Графа С.Д. Шереметева I.

N. ШК. CCII П. 8/19

Библиотека ОН
Академии Наук СССР
2165
37

Церковный чтецъ въ глубокой древности.

(Изъ исторіи „псаломщиковъ“).

Вопросъ о историческомъ происхожденіи должности церковныхъ чтецовъ (анагностовъ) нельзя назвать простымъ и яснымъ. Этотъ, теперь мало замѣтный, церковный чинъ, повидимому, пережилъ въ древности сложную исторію, которая и до сихъ поръ еще недостаточно распутана.

Касательно происхожденія института церковныхъ чтецовъ (анагностовъ) какъ протестантскіе, такъ и римско-католическіе писатели до послѣдняго времени держались мнѣнія, что онъ возникъ въ концѣ II или началѣ III вѣка—изъ діакоината. И разсуждали такъ: съ теченіемъ времени, по мѣрѣ появленія новыхъ потребностей богослуженія и церковнаго благочинія, нужно было создать новую должность, и вотъ возникаютъ чтецы, какъ восполненіе діаконской должности. На этомъ и оканчивались всѣ разсужденія о такой неважной церковной степени, какъ «чтецъ». Но въ ближайшее къ намъ время обращено было вниманіе на одно свидѣтельство о чтецахъ, находящееся въ мало изученномъ памятникѣ II вѣка, извѣстномъ съ именемъ Canones Ecclesiastici. А этимъ свидѣтельствомъ чтецамъ отводится необычное мѣсто въ церковномъ персоналѣ: послѣ пресвитера—и выше діакона. Названный памятникъ, между прочимъ, ведетъ рѣчь о поставленіи въ разныя церковныя степени и указываетъ требованія, которыя предъявлялись въ отношеніи къ лицамъ, занимавшимъ эти степени, при чемъ свои разсужденія ведетъ въ такомъ порядкѣ: о епископѣ, пресвитерѣ, *чтецѣ*, діаконѣ. Этого мало.

Здѣсь поставлены по отношенію къ чтецамъ такія требованія, которыя заставляютъ иначе, чѣмъ какъ это было раньше, понимать характеръ и существо должности первохристіанскихъ чтецовъ. Здѣсь говорится: «при поставленіи въ чтеца нужно старательно разузнавать—не болтунъ ли онъ, не пьяница ли, не наклоненъ ли къ смѣхотворству, вообще добрыхъ ли онъ нравовъ»[1]). «Во время собраній въ день Господень (воскресенье) онъ занимаетъ первое мѣсто и долженъ, по словамъ памятника, обладать ясною рѣчью и быть способнымъ къ учительству, такъ какъ онъ занимаетъ мѣсто евангелиста. Кто служитъ слуху невѣдущихъ—добавляетъ памятникъ, тотъ будетъ считаться вписаннымъ у Бога» (подразумѣвается: въ книгу живота) [2]). Приведенное мѣсто — нужно сознаться — перевертываетъ всѣ наши привычныя понятія о чтецѣ древней церкви. Здѣсь, что ни слово, то загадка, требующая большаго напряженія мысли. И прежде всего чтецъ въ перечнѣ церковныхъ лицъ помѣщенъ выше діакона. Значитъ, почему-то представляется почтеннѣе и значительнѣе діакона. Далѣе, ему отводится за богослуженіемъ, въ церковныхъ собраніяхъ, какое-то первое мѣсто. Отъ него требуется довольно высокая нравственная жизнь. А главное требуется, чтобы онъ не только читалъ, но и истолковывалъ Св. Писаніе: онъ называется «евангелистомъ», т. е. проповѣдникомъ; его дѣятельность ублажается, ибо ему обѣщано, что имя его впишется у Бога. Все это такія черты, которыя древними источниками не приписываются діакону, въ родственную связь съ которымъ ставятъ чтецовъ нѣкоторые изслѣдователи исторіи церкви; въ особенности ярко бросается въ глаза требованіе, чтобы чтецъ былъ способенъ истолковывать Св. Писаніе, чего въ то время совсѣмъ не предъявлялось въ отношеніи къ діакону. Вообще свѣдѣнія о чтецѣ въ данномъ источникѣ не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что институтъ чтецовъ

---

[1]) Нужныя для насъ мѣста изъ разсматриваемаго памятника приведены въ оригиналѣ съ переводомъ, въ сочиненіи Harnack'a: Die Quellen der sogenan. Apostolischen Kirchenordnung u. s. w. Leipzig, 1886.

[2]) Ibidem, s. 17—19.

отнюдь не возникъ изъ діаконата, ибо разсматриваемый памятникъ категорически поставляетъ чтецовъ выше діаконовъ.

Если такъ, то что-же такое первоначальный институтъ чтецовъ?

Изученіе всѣхъ главныхъ документовъ, относящихся къ вопросу, показываетъ, что прежде чѣмъ войти точнымъ образомъ въ составъ клира, чтецы пережили не кратковременную исторію, что, далѣе, первоначально чтецы имѣли совсѣмъ другой характеръ дѣятельности и другое значеніе, чѣмъ какое получили потомъ, и что, наконецъ, институтъ этотъ, по своему происхожденію древнѣе, нежели какъ обыкновенно думаютъ. Когда мы раскроемъ исторію чтецовъ, то увидимъ что, быть можетъ, и правъ былъ Коммодіанъ, христіанскій писатель III-го вѣка, который съ слѣдующими словами хвалы обращается къ чтецамъ: «вы цвѣты въ народѣ, вы свѣтильники Христовы, помните о своемъ достоинствѣ и не забывайте о своей власти» [3]).

Разсмотримъ тѣ свидѣтельствя древности, которыя помогутъ разъяснить церковно-общественное положеніе чтецовъ, ихъ функціи,—вообще темную ихъ исторію.

Остановимся прежде всего на свидѣтельствѣ Тертулліана (кон. II и нач. III в.). Тертулліанъ къ церковнымъ степенямъ относитъ лишь епископа, пресвитера, діакона (и пожалуй вдовицу). Чтецъ опущенъ [4]). Тѣмъ не менѣе въ его время въ Карѳагенѣ чтецы несомнѣнно существовали. Куда же относились чтецы? Къ разъясненію вопроса можетъ послужить слѣдующее свидѣтельство этого писателя. Обличая еретиковъ (гностиковъ) за допущеніе у нихъ церковныхъ безпорядковъ, Тертулліанъ говоритъ: «у нихъ сегодня одинъ епископъ, а завтра другой; кто сегодня діаконъ, тотъ завтра чтецъ; кто сегодня пресвитеръ, тотъ завтра міряниномъ» [5]). Обыкновенно думаютъ, что въ приведенныхъ словахъ Тертул-

---

[3]) Commodiani. Instruct. II, 26. Harnack, s. 64.
[4]) De bapt., c. 17. De fuga, c 11. De monog., c. 11—12.
[5]) Praescr., c. 41.

ліанъ дѣлаетъ упреки еретикамъ за то, что у нихъ безпорядочно перемѣшивались церковныя степени клира. Но правильнѣе будетъ утверждать, что Тертулліанъ упрекаетъ еретиковъ въ данномъ случаѣ за допущеніе еще большихъ злоупотребленій, чѣмъ выше указанный безпорядокъ. Онъ упрекаетъ ихъ не за смѣшеніе степеней іерархическихъ, а за то, что лица, непринадлежащія совсѣмъ къ клиру, функціонируютъ у нихъ, какъ лица церковнаго чина. Такое объясненіе приведенныхъ словъ Тертулліана даетъ возможность сдѣлать интересный выводъ касательно вопроса о чтецахъ. Но спрашивается: основательно ли то объясненіе словъ Тертулліана, на какое мы сейчасъ указали? Это объясненіе представляется совершенно правильнымъ и вотъ на какихъ основаніяхъ. Онъ упрекаетъ, что у еретиковъ сегодня одинъ епископъ, а завтра другой, — значитъ, кто ни попало; далѣе, что у нихъ кто сегодня пресвитеромъ, тотъ завтра міряниномъ. Очевидно, и послѣдній примѣръ о діаконѣ нужно понимать въ томъ же смыслѣ: если онъ говоритъ, что кто у нихъ сегодня діакономъ, тотъ завтра чтецомъ, то онъ, очевидно, хочетъ сказать, что діаконъ у нихъ изъ діакона на другой день становится міряниномъ. Что упрекъ Тертулліана дѣйствительно заключается въ томъ, что у еретиковъ были перемѣшаны два порядка—порядокъ лицъ іерархическихъ съ порядкомъ лицъ мірскихъ, это ясно открывается изъ заключительныхъ словъ, которыми онъ заканчиваетъ выше приведенную тираду; онъ говоритъ: у еретиковъ «и мірянамъ поручаются іерархическія обазанности». Вотъ гдѣ суть обличеній Тертулліана! Изъ этого слѣдуетъ, что Тертулліанъ *не* причислялъ чтецовъ къ разряду лицъ клира. Для него степеней клира три: епископъ, пресвитеръ, діаконъ, какъ это онъ ясно говоритъ при другихъ случаяхъ въ своихъ сочиненіяхъ.

Итакъ мы видимъ, что во времена Тертулліана, т. е. въ концѣ II вѣка и въ началѣ III-го, а слѣдовательно и раньше того чтецъ не принадлежалъ къ членамъ клира.

Можно поэтому съ полною вѣроятностью утверждать,

что чтецъ въ древнѣйшую пору церкви не причислялся къ клиру. Нѣкоторые чтецы въ такомъ положеніи оставались даже и позднѣе, во времена Кипріана, епископа Карѳагенскаго (средина III вѣка). Въ своихъ письмахъ этотъ карѳагенскій пастырь упоминаетъ о лицахъ, имѣвшихъ право читать Свящ. Писаніе въ церковныхъ собраніяхъ, но оставшихся въ мірскомъ состояніи; изъ писемъ того же Кипріана видно, что существовали въ его время какіе-то lectores (чтецы)—lectores doctorum audientium («чтецы при учителяхъ — несомнѣнно пресвитерахъ—при учителяхъ для оглашенныхъ»), но что это за должность доселѣ никѣмъ не объяснено,—но и эти lectores не были клириками, а считались лишь «приближенными къ клиру»[6]).

Еще важнѣе свидѣтельство Кипріана о тѣхъ чтецахъ, которые въ его время стали зачисляться въ составъ клира. (А это при немъ уже стало встрѣчаться и въ Карѳагенѣ). Онъ описываетъ дѣло, исполняемое чтецами, и мѣсто, занимаемое ими при богослуженіи,—какъ нѣчто въ высшей степени почетное. Поставляя отличившагося особеннымъ мужествомъ во время гоненія, нѣкоего Целерина во чтецы, Кипріанъ пишетъ въ письмѣ къ клиру и народу: «мы возвели его на амвонъ, на этотъ церковный трибуналъ (судилище), чтобы поставленный на возвышенномъ мѣстѣ и при таковомъ своемъ почетѣ видимый всему народу онъ читалъ заповѣди (praecepta) и Евангеліе Господни. Пусть онъ увидитъ, есть ли высшая степень, на которой можно было бы принести столько пользы въ церкви»[7])? Очевидно, Кипріанъ къ должности чтеца относится съ какимъ то особеннымъ почтеніемъ; но этимъ дѣло не ограничивается, онъ называетъ мѣсто, на которомъ стоитъ чтецъ, какъ бы

---

[6]) Творенія св. Кипріана въ русск. переводѣ. Т. I, стр. 152 (Письм. 21). Изд. 2-е. Кіевъ. 1891. Мѣсто это безъ сверки съ оригиналомъ остается не яснымъ.

[7]) Въ томъ же письмѣ Кипріанъ, указывая, что кромѣ Целерина, онъ сдѣлалъ чтецомъ еще Аврелія, затѣмъ пишетъ: „знайте, что они сдѣланы чтецами, потому что надлежало поставить свѣтильниковъ на свѣщникѣ, да свѣтитъ всѣмъ, надлежало возвесть эти лица на возвышенное мѣсто, дабы быть созерцаемыми всѣмъ предстоящимъ братствомъ“. Св. Кипріана. Творенія. Т. I, (Письмо 31), стр. 184—185.

своего рода церковнымъ трибуналомъ, а такъ какъ трибуналъ въ то время находился во власти пресвитеровъ, имѣвшихъ такое близкое отношеніе къ алтарю, то Кипріанъ сближаетъ этимъ самымъ служеніе чтеца съ служеніемъ пресвитера [8]). И это не случайная, ничего не значущая, замѣтка. Св. Кипріанъ смотрѣлъ на чтецовъ, какъ на кандидатовъ въ пресвитеры. Въ томъ же письмѣ, указавъ на достоинства Целерина и другого чтеца Аврелія, онъ пишетъ: «да будетъ вамъ извѣстно, что они предназначаются нами къ пресвитерскому достоинству, а потому они должны быть почтены одинаковою съ пресвитерами кружкою и при ежемѣсячномъ раздѣлѣ получать части въ равномъ съ ними количествѣ, какъ имѣющіе съ достиженіемъ болѣе зрѣлыхъ лѣтъ возсѣдать съ нами» [9]). Изъ этого мѣста письма Кипріана съ ясностью открывается, что чтецы, достигшіе извѣстнаго возраста, были естественными кандидатами именно во пресвитеры: этотъ переходъ считался настолько натуральнымъ, что Кипріанъ нисколько не затрудняется прямо назначить вышепоименованнымъ чтецамъ пресвитерское вознагражденіе изъ церковныхъ доходовъ, хотя они еще и не сдѣлались настоящими пресвитерами.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что чтецы въ древности представляли собой что-то необычайное. Долгое время они къ клиру не принадлежали, но пользовались почетомъ, а впослѣдствіи—въ случаѣ принятія въ клиръ, были въ Карѳагенѣ естественными кандидатами въ пресвитеры. Откуда могло возникнуть такое непонятное явленіе?

Все это до извѣстной степени разъяснится, если мы изучимъ, сколько возможно, съ одной стороны такъ сказать первоначальную природу чтеца, а съ другой его функціи, какія ему принадлежали до того времени, когда онъ сдѣлался неважнымъ церковнымъ чиномъ.

О первоначальной природѣ чтецовъ даютъ понятіе отчасти Canones ecclesiastici, гдѣ о чтецѣ говорится, что

---

[8]) Harnack. Op. cit., s. 63.
[9]) Св. Кипріана. I, 184.

онъ занимаетъ мѣсто «евангелиста». А подъ выраженіемъ: «евангелистъ» на языкѣ того времени разумѣлись харисматическіе учители, т. е. лица, считавшія себя обладающими благодатнымъ даромъ учительства въ церкви. Они, какъ извѣстно, именовались «пророками, дидаскалами» (1 Коринѳ. 12, 28). Ихъ было много въ I-мъ и въ первой половинѣ II вѣка [10]). Въ томъ же документѣ—Canones eccles.—о чтецѣ еще замѣчается, что въ церковныхъ собраніяхъ въ день воскресный чтецъ занимаетъ первое мѣсто. Можно допускать мысль, что такое мѣсто отводилось чтецу потому, что онъ въ такомъ или другомъ отношеніи напоминалъ или даже имѣлъ сродство съ тѣми же вышеупомянутыми харисматическими учителями, которымъ въ собраніяхъ отводилось почетное мѣсто [11]). Само по себѣ предположеніе, что по первоначальной своей природѣ чтецъ относился въ началѣ къ разряду харисматическихъ учителей, не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Харисматическіе учители составляли разрядъ людей «глаголавшихъ слово Божіе», но тоже самое дѣлали и чтецы, читавшіе съ амвона Свящ. Писаніе—во всемъ его объемѣ, т. е.: не одинъ только такъ называемый Апостолъ и Ветхій Завѣтъ, но и самыя Евангелія. Положимъ, все это пока предположенія, но они могутъ находить подтвержденіе въ свидѣтельствахъ древности. А когда это будетъ сдѣлано, для насъ станетъ понятно, почему въ началѣ чтецъ, при всемъ уваженіи къ нему, не считался принадлежащимъ къ клиру, а былъ міряниномъ: въ началѣ его никто не поставлялъ формально, какъ никто формально не поставлялъ пророковъ и дидаскаловъ.—Но попытаемся съ возможною обстоятельностью доказать мысль, что чтецъ имѣлъ нѣкоторое сродство съ харисматическими учителями.

---

[10]) См. подробнѣе о нихъ въ книгѣ г Карышева. О новооткрытомъ памятникѣ: *Ученіе 12-ти Апостоловъ*. Моск., 1896. Памятникъ этотъ проф. Гарнакомъ относится ко II вѣку

[11]) „Ученіе двѣнадцати Апостоловъ“, гл. X, ст. 7, гл XI, ст. 2; гл. XIII, ст. 3. Этотъ памятникъ въ оригиналѣ съ переводомъ цѣликомъ напечатанъ въ вышеуказанной книгѣ. (А также изданъ у насъ и другими лицами: свящ. И. И. Соловьевымъ и проф. Е. Поповымъ).

Здѣсь прежде всего нужно обратить вниманіе на ту молитву, которая записана въ Постановленіяхъ Апостольскихъ и которая читалась при поставленіи въ чтецы. Вотъ эта молитва: «Боже вѣчный, многій въ милости и щедротахъ, самъ и нынѣ призри на раба твоего, ему же вручается читать Свящ. Писаніе твое людямъ твоимъ, и даждь ему *Духа Св.*, *Духа пророческаго*. Иже Эздру раба твоего на чтеніе законовъ твоихъ народу твоему умудривый: и нынѣ, призываемый нами, умудри раба твоего, и даждь ему врученное ему дѣло совершающу неосужденно, достойнымъ явитися *вящія степени*» (Постановл., кн. VШ, гл. 22). Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе прошеніе о томъ, чтобы Богъ ниспослалъ чтецу «Духа Св., Духа пророческаго». Чтецу испрашивается Духъ Святой, — но во имя Духа Святаго дѣйствовали и харисматическіе учители; чтецу испрашивается Духъ *пророческій*, но здѣсь разумѣется не духъ пророковъ ветхозавѣтныхъ, такъ какъ чтецы никогда не были пророками въ этомъ смыслѣ, но духъ пророческій въ другомъ смыслѣ: чтецы должны являться тѣмъ же, чѣмъ были харисматическіе новозавѣтные пророки. Въ этой мысли насъ утверждаетъ и еще одно замѣчаніе, находимое въ тѣхъ же Постановленіяхъ Апостольскихъ. Авторъ Постановленій, указывая, какъ нужно дѣлить церковную кружку между различными клириками, говоритъ: «а если есть и чтецъ, то и онъ пусть получитъ долю едину — въ честь пророковъ» (Кн. II, гл. 28). Думать, что здѣсь разумѣются пророки ветхозавѣтные нѣтъ никакихъ основаній, потому что мы не знаемъ, чтобы давалась въ Ветхомъ Завѣтѣ какая то «доля единая» пророкамъ, но несомнѣнно знаемъ, что доля всякихъ начатковъ, даже денегъ — дѣйствительно выдавалась харисматическимъ пророкамъ, какъ объ этомъ возвѣщаетъ древнехристіанскій памятникъ: *Ученіе двѣнадцати Апостоловъ* (гл. ХШ) [12]). Итакъ принимая

12) Здѣсь читаемъ: „каждый истинный пророкъ, который поселится у васъ, достоинъ своего пропитанія. Точно также и истинный учитель (διδάσκαλος). Поэтому, взявши начатокъ изъ произведеній точила и гумна, воловъ и овецъ, дай этотъ начатокъ пророкамъ Точно также, если ты открылъ сосудъ вина или елея, то

указанныя основанія, нѣтъ, кажется, причинъ сомнѣваться въ томъ, что первоначальная природа чтецовъ имѣла сродство съ харисматическими учителями—въ особенности съ пророками. — Сейчасъ приведенное мѣсто изъ Постановленій Апостольскихъ имѣетъ еще другую редакцію, которая съ новой стороны освѣщаетъ вопросъ о чтецахъ. Въ новѣйшее время найденъ древній сирскій памятникъ, которому дали греческое названіе: Διδασκαλία—наставленіе,—и который представляетъ собою первоначальную редакцію большей части (I—VI книгъ) теперешнихъ Постановленій Апостольскихъ (разумѣется, въ свое время этотъ памятникъ явился не на сирскомъ, а греческомъ языкѣ). Въ этомъ сирскомъ памятникѣ разсматриваемое мѣсто о долѣ чтецовъ читается такъ: «а если и чтецъ есть, пусть получитъ и онъ, какъ *пресвитеры*, — (въ честь пророковъ) [13]). Здѣсь находятся слова, которыхъ нѣтъ въ теперешнихъ Постановленіяхъ Апостольскихъ: пусть и онъ получитъ, какъ пресвитеры. Слѣдовательно, если во времена Кипріана, какъ мы указали выше, чтецы являлись естественными кандидатами на степень пресвитерства, то это не было обычаемъ частной Карѳагенской церкви, а было явленіемъ общимъ, такъ какъ находитъ себѣ не прямое, но прочное подтвержденіе въ Сирской Διδασκαλία, представляющей собою собраніе древнѣйшихъ церковныхъ законовъ.

Теперь займемся разсмотрѣніемъ тѣхъ функцій, какія принадлежали чтецу древнѣйшей эпохи. Какъ показываетъ самое имя, чтецъ имѣлъ обязанность читать при богослуженіи Свящ. Писаніе. Онъ это и дѣлалъ. Но читалъ, не какъ теперь, только нѣкоторыя книги Свящ. Писанія, но безъ исключенія всѣ. Т. е. онъ дѣлалъ не только то, что теперешній чтецъ, но то, что принадлежитъ теперь къ прерогативамъ пресвитера и діакона. Самое искусство чтенія въ тѣ времена не принадлежало къ

взявши начатокъ, дай пророкамъ. Взявши начатокъ серебра и всякаго имѣнія, отдай по заповѣди".

13) Harnack. Op. cit. S. 76

такимъ распространеннымъ явленіямъ, какъ въ наши дни. Въ особенности среди малообразованнаго первохристіанскаго общества человѣкъ, умѣвшій читать, могъ быть поставляемъ высоко. Кстати нужно еще прибавить, что тогдашній способъ писанья книгъ, называемый scriptio continua, безъ знаковъ препинанія и безъ промежутковъ между словами, былъ чрезвычайно труденъ для чтенія; не всякій могъ легко научиться читать тогдашнюю рукопись. И церковь дѣйствительно цѣнила чтецовъ, исполняющихъ свое дѣло какъ слѣдуетъ. По извѣстіямъ одного древняго сборника каноновъ, епископъ, посвящая чтеца и вручая ему книгу, говорилъ: «если ты будешь исполнять свое дѣло съ вѣрностью и съ пользою, то будешь имѣть часть съ тѣми, кто исполняетъ слово Господне» [14]). Значеніе чтеца въ древнѣйшую эпоху церкви еще больше возрастетъ въ нашихъ глазахъ, если примемъ во вниманіе слѣдующее обстоятельство: въ тѣ времена (въ I и II вѣк.) играли большую роль въ христіанскихъ общинахъ въ качествѣ церковныхъ учителей харисматическіе пророки и дидаскалы [15]). Но весьма возможно допустить, что между этими учителями, обладавшими даромъ свободной рѣчи, могли быть лица, неумѣвшія читать книгъ. Въ такихъ случаяхъ чтецъ могъ быть чрезвычайно полезенъ, ибо древняя проповѣдь всегда примыкала къ тому, что прочитано было за богослуженіемъ изъ книгъ Свящ. Писанія. Но одни ли харисматическіе учители нуждались въ чтецахъ, какъ въ своихъ добрыхъ помощникахъ? Въ древнѣйшую пору христіанства и между епископами встрѣчались лица неграмотныя [16]). Какъ эти лица могли бесѣдовать съ общиной въ храмѣ, еслибы напередъ чтецъ не читалъ предъ началомъ проповѣди извѣстнаго отдѣла Свящ. Писанія?

---

[14]) Harnack. Die Quellen der Apostolisch. Kirchenordnung, s. 79.

[15]) См. Ап. Павла I корине. 14, 29—31. Въ *Ученіи 12-ти Апостоловъ* говорится: „если кто, пришедши къ вамъ, станетъ учить васъ тому, что сказано прежде.., того примите. Если онъ учитъ такъ, что умножаетъ правду и знаніе Господа, то примите его, какъ Господа. Всякаго пророка, говорящаго въ духѣ, не испытывайте и не судите“ (Гл XI, 1—2 и 7).

[16]) См. объ этомъ ниже.

Не даромъ же сначала все Писаніе читали въ церкви *одни чтецы*; быть можетъ ихъ помощь была существеннѣе, чѣмъ какъ мы полагаемъ теперь.

Чтецу принадлежала не одна механическая функція—чтеніе Свящ. Писанія въ собраніяхъ, но —что особенно важно—онъ имѣлъ право еще и толковать Свящ. Писаніе для вѣрующихъ публично, въ церковныхъ же собраніяхъ. Это новая и важная функція существенно приближала чтеца къ харисматическимъ пророкамъ и дидаскаламъ. Харисматическій учитель поучалъ народъ, толковалъ Свящ. Писаніе, тоже дѣлалъ и чтецъ; притомъ въ то время вообще даръ религіознаго наставленія, учительства считался подлиннымъ даромъ Св. Духа, харисмой. Въ принадлежности чтецу функціи—толковать Свящ. Писаніе публично, вообще наставлять вѣрующихъ,—хорошо удостовѣряетъ насъ памятникъ: Canones ecclesiastici. Въ немъ прямо требуется, чтобы чтецъ «имѣлъ способность къ поученію», «такъ какъ онъ занимаетъ—добавляется въ памятникѣ—мѣсто евангелиста», т. е. харисматическаго учителя. Какимъ образомъ возникла эта функція чтецовъ—толковать Свящ. Писаніе? Прежде всего нужно сказать, что по древнимъ представленіямъ чтеніе Свящ. Писанія и объясненіе его стояли въ тѣсной связи между собою: кто читалъ Писаніе, тотъ какъ бы обязывался и толковать его (I Тимоѳ. 4, 13). Но еще болѣе важнымъ условіемъ появленія разсматриваемой функіи у чтецовъ служило то, что было особое время въ положеніи церкви, когда чтецъ силою самихъ вещей побуждаемъ былъ взяться за дѣло толкованія и поученія. Наступило время, когда не стало харисматическихъ учителей,—это время наступило для однихъ церквей раньше, а для другихъ позже,—а разъ наступило такое время[17]), нужно было занять мѣсто этихъ учителей, ибо поученіе составляло тогда существенную принадлежность церковныхъ собраній. Эту обязанность естественнѣе всего, по исчезнове-

[17]) Пророки исчезаютъ изъ исторіи къ концу II вѣка, а дидаскалы еще продолжаютъ существовать въ нѣкоторыхъ захолустныхъ церквахъ даже въ срединѣ III вѣка.

ніи пророковъ и дидаскаловъ, было всецѣло взять на себя епископамъ, изъ которыхъ иные до этого времени, при существованіи харисматическихъ церковныхъ учителей, могли и совсѣмъ не заниматься этимъ дѣломъ. Но епископы далеко не всегда могли брать на себя это дѣло. Памятникъ: Canones Ecclesiastici [18]) представляетъ возможность такихъ случаевъ: «когда епископъ оказывался неграмотнымъ (ἀγράμματος)». Подобнымъ же образомъ и постановленія Апостольскія (кн. II, гл. 1), не исключаютъ таковой же возможности, повторяя слова памятника: Canones. А церковная исторія дѣйствительно можетъ указать не мало необразованныхъ епископовъ [19]), жившихъ около того времени, когда исчезаютъ послѣдніе харисматическіе учители. Естественно при такихъ условіяхъ, что обязанность поучать общину, толковать Свящ. Писаніе перешла къ чтецу, который принадлежалъ къ наиболѣе просвѣщеннымъ членамъ церковной общины и пожалуй клира [20]). Нельзя утверждать, чтобы это золотое время въ жизни института чтецовъ продолжалось долго, но оно все же было,— это историческій фактъ. Это было состояніе во всякомъ случаѣ переходное и очень возможно, что не во всѣхъ церквахъ имѣло мѣсто возвышеніе чтеца на степень церковнаго проповѣдника.

Теперь намъ нужно доказать, что въ исторіи разсматриваемой нами эпохи дѣйствительно встрѣчались чтецы въ роли проповѣдниковъ въ церковныхъ собраніяхъ. Безъ этого наши разъясненія могутъ казаться гадательными. Къ счастью, до насъ дошла цѣлая проповѣдь

---

18) Harnack. Op. citat., s. 10.

19) Не говоря уже о епископахъ II и III вѣка, въ маленькихъ и бѣдныхъ городахъ, даже епископы столичные иногда отличались полнымъ невѣжествомъ. Римскій епископъ (папа) Зефиринъ былъ ἀγράμματος; а епископъ (патріархъ) Александрійскій Димитрій былъ деревенщина, не знакомый съ Св Писаніемъ. Harnack. Op citat., s. 10

20) Памятникъ Canones ecclesiastici, единственный памятникъ II вѣка, въ которомъ перечисляются требованія, предъявляемыя тогдашнею церковію къ пресвитерамъ (Harnack S. 11—17. Здѣсь подлинный текстъ памятника по занимающему насъ вопросу), ни единымъ словомъ не упоминаетъ о томъ, чтобы на пресвитерѣ того времени лежала обязанность учить вѣрующихъ съ церковной каѳедры Да исторія II вѣка и не знаетъ пресвитеровъ, посвящавшихъ свое вниманіе этому дѣлу. А о діаконахъ и говорить нечего—въ данномъ отношеніи

чтеца древне-христіанской эпохи. Въ числѣ произведеній древне-христіанской литературы съ давнихъ поръ занимало видное мѣсто такъ называемое II посланіе Климента, епископа римскаго (нач. II вѣка). Признавалось оно Климентовымъ просто потому, что первоначально оно открыто было въ одномъ и томъ же кодексѣ съ первымъ, подлиннымъ посланіемъ Климента. Но до самаго недавняго времени никто изъ ученыхъ точно не зналъ, что такое въ существѣ дѣла такъ называемое II Климентово посланіе, такъ какъ оно сначала открыто было въ неполномъ видѣ. Теперь же, когда это произведеніе сдѣлалось извѣстнымъ въ полномъ его видѣ, ученые пришли къ тому выводу, что такъ называемое II посланіе Климента есть проповѣдь, древнѣйшая проповѣдь, какая только сохранилась до насъ, проповѣдь, появившаяся не позднѣе средины II вѣка. Кому же принадлежитъ по своему происхожденію эта проповѣдь? Судя по содержанію ея, она не могла быть произнесена ни епископомъ, ни пресвитеромъ, потому что проповѣдникъ говоритъ къ слушателямъ какъ человѣкъ равный съ этими послѣдними и даетъ знать о своемъ подчиненіи пресвитерамъ [21]). Можно задать себѣ вопросъ: не принадлежитъ ли проповѣдь по своему происхожденію какому либо харисматическому учителю, напр., пророку? Но и этого нельзя допускать: свои поученія и назиданія харисматическіе учители произносили экспромтомъ и наизусть, а здѣсь мы имѣемъ дѣло съ проповѣдью, записанной на тетради; проповѣдникъ говоритъ о себѣ: «я читаю» (ἀναγιγνώσκω: сар. 19). (Вотъ древнѣйшій примѣръ проповѣди, предварительно записанной на тетрадку, какъ извѣстно, столь спасительную для проповѣдниковъ нашего времени; такая древность употребленія проповѣднической тетрадки, конечно, можетъ защищать нашихъ проповѣдниковъ отъ упрека во введеніи бумажнаго проповѣдничества; но едвали они были бы польщены, еслибы знали: кто первый завелъ спасительную тетрадку?). Такъ — говоримъ—проповѣдь эту

21) Сар 17, 19.

произносилъ не харисматическій учитель, ибо этотъ говорилъ поученія, а не читалъ. Да и самый тонъ проповѣди не допускаетъ подобнаго предположенія. Проповѣдникъ здѣсь говоритъ не отъ лица Духа Св., какъ дѣлали пророки и дидаскалы, а поучаетъ, такъ сказать, на свой страхъ; притомъ же онъ поучаетъ не какъ власть имѣющій учить, не какъ авторитетъ, а какъ человѣкъ очень скромный и смиренный: онъ даже называетъ себя «всегрѣшнымъ» (сар. 18). Итакъ, кто же написалъ загадочную проповѣдь? Думаютъ, что никто другой, какъ чтецъ. (Итакъ первый началъ произносить проповѣди по тетрадкѣ—выражаясь языкомъ современнымъ—не болѣе, какъ псаломщикъ!) А для доказательства сейчасъ указанной мысли справедливо ссылаются на разныя выраженія самого проповѣдника. Въ особенности же къ этому выводу склоняются, когда проповѣдникъ прямо даетъ знать, что сначала онъ прочелъ отдѣлъ Свящ. Писанія за богослуженіемъ [22]) (а это дѣло чтеца), а затѣмъ сталъ читать и свое поученіе, относящееся къ этому отдѣлу Писанія. Итакъ мы имѣемъ примѣръ проповѣдника—чтеца, взявшаго на себя обязанность эту, какъ разъ въ то время, когда стали исчезать харисматическіе учители, т. е. около средины II вѣка [23]). Но это не единственный, намъ извѣстный примѣръ чтеца, занимавшагося толкованіемъ Свящ. Писанія съ церковной каѳедры. Одинъ мученикъ Діоклитіанова гоненія, по имени Прокопій, въ актахъ мученическихъ названъ и чтецомъ Св. Писанія (за богослуженіемъ) и истолкователемъ его [24]). — Проповѣдничество съ церковной каѳедры было функціей, характеризующей положеніе чтецовъ въ лучшую пору жизни этого института. Поэтому-то чтецовъ въ это время ставили выше діаконовъ (Canones eccles.).

———

Разскажемъ вкратцѣ (резюмируемъ) исторію институ-

[22]) Сар. 19. Conf. Harnack. Op citat. S. 83.

[23]) Дѣлаютъ догадку, что проповѣдь эта прочитана была или въ Римѣ или Коринѳѣ.

[24]) Ruinart. Acta martyrum, p. 387. Ratisbonae, 1859.

та чтецовъ, какъ она представляется на основаніи имѣющихся документовъ. Чтецы появляются въ церкви гораздо раньше, чѣмъ какъ объ этомъ принято думать. Въ началѣ Апокалипсиса говорится: «блаженъ читающій и слушающіе слова пророчества сего» (1, 3). Здѣсь уже различаются читающій, чтецъ, и его слушатели. Едвали здѣсь идетъ рѣчь о простомъ читателѣ вслухъ. Подобное различеніе чтеца отъ слушателей было бы пустымъ педантизмомъ, еслибы при этомъ не шло рѣчи о чтецѣ, занимающемъ извѣстное видное мѣсто въ церковной общинѣ. Значитъ, это мѣсто Апокалипсиса даетъ свидѣтельство о существованіи чтецовъ раньше 100-го года христіанской эры. Еще яснѣе представляется существованіе чтецовъ около середины II вѣка. Въ извѣстной апологіи Іустина, при описаніи совершенія литургіи христіанами (вѣроятно, въ Римѣ), говорится (гл. 67): когда чтецъ прерветъ чтеніе писаній апостольскихъ или пророческихъ, тогда предстоятель начинаетъ говорить къ собранію.

Въ началѣ чтецы появились, какъ лица нужныя при совершеніи богослуженія: читать хорошо могли лишь немногіе изъ первоначальныхъ христіанъ, такъ какъ между ними мало было лицъ, получившихъ образованіе. Чтецы сначала не принадлежали къ клиру, потому что, подобно харисматическимъ учителямъ, не были лицами выборными или назначаемыми, а служившими въ силу внутренняго призванія, но, не принадлежа къ клиру, они успѣли на нѣкоторое время достигнуть высокаго положенія. Съ исчезновеніемъ харисматическихъ учителей, они сдѣлались проповѣдниками Слова Божія въ церковныхъ собраніяхъ. Но едвали это продолжалось долго. Во всякомъ случаѣ это былъ золотой періодъ въ жизни чтецовъ; онъ продолжался со средины II-го до второй четверти III-го вѣка. Затѣмъ звѣзда чтецовъ видимо начинаетъ блекнуть. Столь выгодно отличавшее ихъ, проповѣдничество стало отходить отъ нихъ. Оно частью перешло къ епископамъ, между которыми теперь рѣже и рѣже стали попадаться люди малообразованные:

ἀγραμμάτοι, какъ называли ихъ Canones ecclesiastici Проповѣдническую должность стали отправлять также и пресвитеры; около средины III вѣка въ Карѳагенѣ появились presbyteri doctores—пресвитеры учащіе [25]). Значеніе чтецовъ стало падать. Зачисленіе ихъ въ клиръ и отведеніе имъ невысокаго мѣста здѣсь сильно подорвало важность и престижъ чтецовъ. Это включеніе чтецовъ въ разрядъ клириковъ и притомъ низшихъ происходитъ въ двадцатыхъ годахъ III в. Въ срединѣ же III в. окончательно опредѣляется положеніе чтецовъ въ клирѣ. Это произошло въ Римѣ. Въ правленіе папы Корнелія они причисляются уже къ одной группѣ съ привратниками и заклинателями [26]). Отъ чтецовъ стали требовать только механическаго дѣла—чтенія, не поручая имъ болѣе важныхъ функцій. Впрочемъ въ теченіе III-го вѣка должность чтецовъ на практикѣ еще далеко не превратилась въ должность низшаго разряда, какою она стала въ болѣе позднее время. Изъ нѣкоторыхъ фактовъ начала IV вѣка видно, что чтецы еще не потеряли нѣкотораго значенія. Во время гоненія Діоклитіана, когда приказано было отбирать у христіанъ кодексы Св. Писанія, то сбереженіе этихъ кодексовъ отъ опасности было поручено чтецамъ; такъ въ одной африканской церкви на рукахъ чтецовъ находилось цѣлыхъ 32 кодекса. Между подписями собора Арльскаго (314 года) встрѣчаемъ подписи двухъ чтецовъ—рѣдкое отличіе [27]).

А. Лебедевъ.

Библиотека ООН
Издательский Отдел СССР

---

[25]) Св Кипріана. Творен I (письмо 21), стр. 152.
[26]) Церк. Исторія Евсевія, кн. VI, гл. 43.
[27]) Harnack Op. cit., s 63.

Отдѣльный оттискъ изъ „Московск. Церковн Вѣдом“ 1901 г. № 45, 46.

Печатать разрѣшается. Москва 17 ноября 1901 года.
Цензоръ Протоіерей *Н. Извѣковъ*